

К. Б. Ермишина

«Закат Европы» Шпенглера и евразийский «поворот к Востоку»: диалог, заимствование, спор или конфликт мировоззрений?

УДК [329:1(47+57)](091)+930.1(430)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_65
EDN DIAAIE

Аннотация: В настоящей статье рассмотрены вопросы идейных основ историософских концепций О. Шпенглера и евразийцев, а также реакция русских мыслителей-эмигрантов на евразийство и немецкого мыслителя. Анализируются идеи Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, П. П. Сувчинского, упомянуты также Г. В. Флоровский и П. М. Бицилли, участвовавшие в движении на ранних этапах. В статье доказывается, что не существовало преемства или заимствования идей О. Шпенглера евразийцами, несмотря на то что их концепции появляются с разницей в несколько лет и имеют много общего. Рабочими терминами историософской концепции евразийцев являются «личность» и «месторазвитие», у Шпенглера — «душа» и «ландшафт». В статье показано, что философской основой концепции Шпенглера становится немецкий романтизм и интуитивизм, а также арелигиозный пантеизм, в то время как евразийцы во главу угла поставили христианский персонализм. В статье проанализированы взгляды Шпенглера на русских и Россию, а также «прасимвол» степи, оказавший, с его точки зрения, ключевое влияние на становление души русского народа. Показано несоответствие реального географического ландшафта России «прасимволу» степи Шпенглера.

Ключевые слова: евразийство, историософия, русская эмиграция, месторазвитие, прасимвол, личность и душа, интуитивизм, христианский персонализм.

Об авторе: **Ксения Борисовна Ермишина**

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

E-mail: xenia_ermishina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9175-8955>

Для цитирования: Ермишина К. Б. «Закат Европы» Шпенглера и евразийский «поворот к Востоку»: диалог, заимствование, спор или конфликт мировоззрений? // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 65–88.

Ksenia B. Ermishina

**Spengler's "The Decline of the West"
and the Eurasian "Turn to the East": dialogue,
borrowing, dispute or conflict of worldviews?**

UDC [329:1(47+57)](091)+930.1(430)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_65
EDN DIAAIE

Abstract: This article examines the issues of the ideological foundations of the historiosophical concept of O. Spengler and the Eurasians, as well as the reaction of Russian emigrant thinkers to the Eurasians and the German thinker. The ideas of N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, G. V. Vernadsky, P. P. Suvchinsky are analyzed, G. V. Florovsky and P. M. Bicilli, who participated in the movement at the early stages, are also mentioned. The article proves that there was no continuity or borrowing of O. Spengler's ideas by the Eurasians, despite the fact that their concepts appear with a difference of several years and have much in common. The working terms of the historiosophical concept of the Eurasians are "personality" and "locality", in Spengler – "soul" and "landscape". The article shows that the philosophical basis of Spengler's concept is German Romanticism and intuitionism, as well as religious pantheism, while the Eurasians put Christian personalism at the forefront. Russian Russian and Russian views are analyzed in the article, as well as the "prasybol" of the steppe, which, from his point of view, had a key influence on the formation of the soul of the Russian people. The discrepancy between the real geographical landscape of Russia and the "prasybol" of the Spengler steppe is shown.

Keywords: Eurasianism, historiosophy, Russian emigration, local development, prasybol, personality and soul, intuitionism, Christian personalism.

About the author: **Ksenia Borisovna Ermishina**

Candidate of Philosophical Sciences, Main Research Fellow, Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates.

E-mail: [Xenia_ermishina@mail.ru](mailto: Xenia_ermishina@mail.ru)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9175-8955>

For citation: Ermishina K. B. Spengler's "The Decline of the West" and the Eurasian "Turn to the East": dialogue, borrowing, dispute or conflict of worldviews?. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 1 (16), pp. 65–88.

Вопрос о взаимоотношениях евразийцев с комплексом идей О. Шпенглера давно привлекает внимание исследователей. Заметное сходство концепций, почти одновременность их появления (хотя время в тот момент было так насыщено событиями, что каждый год разницы очень важен), несомненная рецепция отдельных элементов системы Шпенглера со стороны Г. В. Флоровского — все это свидетельствует о неслучайности созвучия идей немецкого мыслителя эпохи расцвета младоконсерватизма и русских евразийцев. Одновременно исследователи указывают на гораздо большую схожесть концепции Шпенглера с историсофскими построениями Н. Я. Данилевского и, отчасти, К. Н. Леонтьева. Исследователи отмечают, что прямое и несомненное влияние на Шпенглера оказали не русские философы, но русские писатели — Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Обращение евразийцев к русской литературе как к источнику вдохновения, особенно на этапе становления, хорошо известно; поэзия и проза составили важный фундамент для первоначального евразийства. Однако ни Толстой, ни Достоевский не играли здесь никакой роли. А. Блок, И. Эренбург, Б. Пастернак, Л. Леонов, Ю. Тынянов, М. Цветаева, С. Есенин, А. Фадеев и другие авторы 1920–1930 гг., а также музыка модерна — И. Стравинского, С. Прокофьева, балет С. Дягилева — одним словом, «высокое» русское возрождение начала XX в.¹ было крайне значимо для евразийства. П. П. Сувчинский издавал А. Блока, которого знал лично; не только был близким другом И. Стравинского и С. Прокофьева, но и сам продвигал модернистскую культурную программу, которая нашла воплощение в его издательских проектах, сначала в России — в музыкально-литературном альманахе «Мелос», потом, уже в эмиграции, в журнале «Версты» и газете «Евразия». П. Н. Савицкий был поэтом (хотя многие, в частности, его друг, литературный критик Г. П. Струве, которому он присыл на рецензию свои произведения, говорили о том, что он — поэт слабый), увлекался лирикой и прозой молодых писателей, разрабатывал контуры евразийского литературоведения².

Даже эта, казалось бы, не самая важная черта (воздействие различной русской литературы), повлиявшая на становление идей Шпенглера и евразийцев, говорит нам о том, что концепция первого принадлежит, по духу и основным мировоззренческим контурам, скорее к XIX в. (во всяком случае, в той части, которая касается России), а евразийцы — всецело порождение XX в. Этот предварительный вывод, тем не менее, нуждается в обосновании и детальном рассмотрении. Это касается, в первую очередь, возможности прагматических прогнозов, то есть способности авторов увидеть, «предсказать» будущее, а также дать точный диагноз происходящему в настоящем. Таким образом, в этой статье будут рассмотрены следующие проблемы: причины сходства идей Шпенглера и евразийцев, возможное влияние его концепции на указанную группу мыслителей-эмигрантов, суцественные различия их построений и религиозно-философские основы их мировоззрений. Необходимо

¹ В данном случае термин «Серебряный век» (его использовал, например, евразиец Д. П. Святополк-Мирский и друг П. Н. Савицкого Н. А. Оцуп в качестве положительной, а не отрицательной, как у Г. П. Струве, коннотации), который стал расхожим, я считаю нужным заменить на «Русское возрождение начала XX в.», поскольку речь идет не только об истории литературы и философии, в рамках которых обычно и мыслят это явление, но оно захватывает также балет и музыку, активным участником которого, в качестве исполнителя, критика, издателя был П. П. Сувчинский.

² См. работы: *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб., Дюссельдорф, 1993; *Вахитов Р.* Литературоведческие идеи П. Н. Савицкого // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2010. № 1–2 (43–44). С. 5–16; *Ермишина К. Б.* Евразийство и русская литература: два подхода к литературоведению // Русофил. URL: <https://russophile.ru/2017/03/28/евразийство-и-русская-литература-два/> (дата обращения: 22.11.23). Что касается ссылки на мою, последнюю указанную здесь, работу, даю ссылку на электронный ресурс исключительно по причине того, что в настоящее время, кроме работ о евразийском литературоведении Р. Вахитова и моей, других пока нет. Этой темой в настоящее время занимается исследователь из США Джон Стачельски (John Stachelski), но точной информации, когда появится его диссертация, тем более на русском языке, пока нет. Между тем запросов на эту тему довольно много.

также установить *причины* расхождений, чтобы понять специфику и оригинальность как Шпенглера, так и евразийцев, поскольку рассмотрение «взаимовлияний» и даже «заимствований» нисколько не проясняет вопроса об истоках и главных идеях того или иного мировоззрения. Иначе бы вся история философии была бы цепью «заимствований», а задача исследователя заключалась бы в том, чтобы обнаружить главный источник, первооснову всех идей.

Книга Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» (Т. 1) вышла на немецком языке 20 апреля 1918 г., вскоре после заключения Брестского мира, в разгар Гражданской войны в России и накануне Ноябрьской революции в Германии. Революция 1918 г. знаменовала крах политики кайзера и стала кульминационным событием в цепи поражений Германии в Первой мировой войне. Перевод первого тома «Заката Европы» на русский язык вышел только в 1923 г., перевод второго тома, опубликованного на немецком языке в 1922 г., стал доступен для русского читателя только в начале 1990-х гг. Сама концепция морфологии истории возникает у Шпенглера около 1911 г.: «<...> как известно, он начал писать „Закат Европы“ в 1911 году под впечатлением от Второго марокканского кризиса в международных отношениях»³. В своей книге Шпенглер мечтал произвести «коперниканский» переворот в историософии и исторической науке вообще: «Мысль эта принадлежит к числу истин, которые, будучи раз высказаны со всей ясностью, не вызовут уже никаких возражений... О подобном мог пока мечтать только физик в своих вычислениях. Это означает, повторяю еще раз, *замену птолемеевского аспекта коперниканским* и, следовательно, неизмеримое расширение жизненного горизонта также и в области исторического»⁴.

Книга вызвала острый интерес в Европе и даже в Советской России, в которой интеллектуалы, свободные владеющие немецким языком, издали книгу-отзыв: «Освальд Шпенглер и закат Европы»⁵ (авторы: Федор Степун, Семен Франк, Николай Бердяев, Яков Букшпан). Авторы сборника справедливо отметили зависимость Шпенглера от Ницше и Гете, а также сочетание у него «широкой» учености с «антинаучностью» мышления, иными словами, отметили его дилетантизм («гениальный дилетантизм»). Вторая особенность этой книги, по мнению авторов сборника, состояла в том, что скептицизм Шпенглера, его отрицание всяких истин и высших начал парадоксально сочетается с пророческим пафосом и провозглашением конца Европы. Это утверждение не научно-практическое, но профетическое (то есть в основе — религиозное). Шпенглер основывается не на научном методе, но на художественной интуиции, он пишет так, будто до него никто и никогда не писал подобного, а сам он является первооткрывателем величайшей истины: «В свете такой ненаучности большая ученость Шпенглера производит на современный научный взгляд странное впечатление чего-то тщетного, неиспользованного, неприкаянного, чего-то эмпирически живого, но трансцендентально мертвого, какой-то трагический праздник красоты пышных и нарядных похорон»⁶. С. Л. Франк со свойственным ему великодушием хвалит книгу Шпенглера, называя ее самой значительной в современной европейской литературе (похожий отзыв он даст потом и о евразийцах: «Отнесся к нему с интересом как к единственному в эмиграции проявлению свежей и оригинальной

³ Медоваров М. В. Геополитические воззрения Освальда Шпенглера // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 91. Речь идет о так называемом «Агадирском кризисе», знаменовавшем обострение международных отношений накануне Первой мировой войны. В целом кризис касался споров Франции и Германии относительно колоний. Воспользовавшись ситуацией, Англия настояла на том, чтобы территории Марокко достались Франции, интересы Германии были крайне ущемлены. Это вызвало вспышку ярости у немцев, которые воспылали жадой реванша, страна начала готовиться к большой войне.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. С. 174.

⁵ Бердяев Н. А., Букишпан Я. М., Степун Ф. А., Франк С. Л. Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922.

⁶ Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и закат Европы // Освальд Шпенглер и закат Европы. С. 6.

общественной мысли»⁷), но подчеркивает, что в книге видна скорее «игра ума», чем подлинная истина, хотя это заметно только при основательном размышлении над идеями автора. Книга Шпенглера сама по себе есть симптом кризиса. Н. А. Бердяев осторожно хвалит отдельные элементы в конструкции Шпенглера (и заимствует то, что ему понравилось, по умолчанию), подчеркивая, что он сам, в ряде статей и книг последнего времени, писал о кризисе западной культуры. Что отталкивает от Шпенглера, так это его нарочитое презрение ко всякой философии и научному методу, трагедия Шпенглера в его арелигиозности. Я. М. Букшпан говорит о тонком соблазне книги Шпенглера, главный порок которой — отрицание единства истории, единства судеб человечества. В целом, авторы сборника подчеркивают крайний субъективизм и противоречивость концепции Шпенглера. Такова была реакция русских интеллектуалов на первое появление «Заката Европы» — скорее критическая, чем благосклонная. Они проявили большую заинтересованность в идеях Шпенглера, но скорее удивлялись его промахам, чем спешили записаться в ряды его последователей. П. М. Бицилли, который в эмиграции написал отзыв на книгу Шпенглера, во многом согласен с авторами вышеупомянутого сборника: «Анализировать Шпенглера шаг за шагом, критиковать отдельные, подчас чудовищные утверждения, было бы очень нелегко и не нужно: автор слишком уж очевидно то и дело сходит с почвы современной науки»⁸, тем не менее, его книга — важный признак того, что созрела настоятельная необходимость «осмыслить окаменевшую школьную вульгату»⁹. Напомним, что Бицилли написал для евразийских сборников две статьи, которые оказали влияние на историософскую концепцию раннего П. Н. Савицкого¹⁰. В 1922–1923 гг. Бицилли был очень близок евразийцам, но так и не присоединился к движению официально.

В отличие от русских интеллектуалов-эмигрантов, писавших о Шпенглере, я полагаю, что он был религиозен, только это была вера в Фауста, в интеллектуальную интуицию, в дух истории и человеческой гениальности. Мрачные прогнозы Шпенглера были вызваны его пониманием краха фаустовской цивилизации, то есть падения и угасания предмета духовного поклонения автора. Шпенглер как раз сокрушается о том, что фаустовский человек Запада утратил живой огонь религиозности и страсти, жизненную энергию (позже Л. Н. Гумилев определит ее как «пассионарность»). Фаустовского человека, по Шпенглера, отличает стремление к бесконечности в преодолении времени и пространства, религиозно-философский универсализм и экспансионизм, который порождает особый, универсальный тип культуры, музыки, науки. В основе западной культуры лежит бесконечное устремление, безграничность, понятие энергии, в математике, построенной на понятиях о переменных величинах

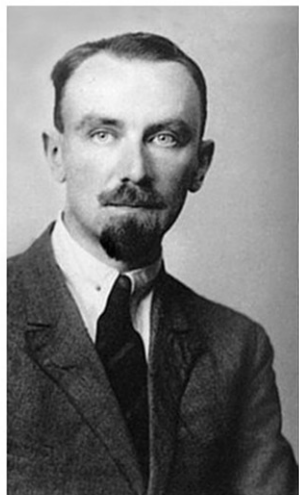
Освальд Шпенглер

⁷ Цит. по: *Оболевич Т.* Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. С. 8.

⁸ *Бицилли П.* Гибель Запада // *Русская мысль*. Кн. 8–9. София, 1921. С. 308.

⁹ Там же.

¹⁰ *Бицилли П. М.* Восток и Запад в истории Старого Света // *На путях*. Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин, 1922; *Его же*. Католичество и Римская церковь // *Россия и Латинство*. Берлин, 1923.

Участники сборника «Исход к Востоку» (слева направо):
П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой

и исчислении бесконечно малых. Перед нами, практически, портрет сверхчеловека, титана. Европейская цивилизация теряет этот тип мировоззрения, ей на смену идет Германия, новая европейская нация. Шпенглер, как до него Ницше, восстает против религии на том основании, что она недостаточно религиозна, утратила дух веры под действием пошлого морализаторства и торжества рациональности. Дух книги Шпенглера несомненно религиозен, и скорее именно его и можно назвать магическим, что отметил С. Франк, говоря, что автор «Заката Европы» гипнотизирует, пленяет воображение и уводит в мир своих грез, от которых можно освободиться, только включив логический анализ. Недаром слово «надсознательный» — «одно из любимых словечек Шпенглера»¹¹.

Остановимся на этих моментах, чтобы увидеть сходства идей евразийцев и О. Шпенглера. Евразийское мировоззрение у будущих авторов «Исхода к Востоку» начало формироваться в период 1909–1913 гг. Н. С. Трубецкой писал о своей первой евразийской работе «Европа и человечество»: «Эта книга была задумана мною уже очень давно (в 1909–1910) как первая часть трилогии, носящей название „Оправдание национализма“. Первая часть должна была иметь заглавие „Об эгоцентризме“ и посвящалась памяти Коперника <...>. Назначение этой книги чисто отрицательное. Никаких положительных, конкретных руководящих принципов она давать не собирается. Она должна только свергнуть известные идола и, поставив читателя перед опустевшими пьедесталами этих идолов, заставить его самого пошевелить мозгами, ища выхода. Выход должен быть указан в последующих частях трилогии. <...> единственно возможный выход (точнее: направление к выходу) мною указан: это — революция в сознании, переворот в мировоззрении интеллигенции нероманогерманских народов. <...> Сущность революции в сознании состоит в полном преодолении эгоцентризма и эксцентризма, в переходе от абсолютизма к релятивизму»¹² (курсив мой. — К. Е.). П. Н. Савицкий подчеркивал, что сам термин «Евразия» стал ему близок примерно в 1919 г., когда он был в Крыму, заболел тифом, лежал долгое время, выздоравливая, без дела и обдумывал основы своего мировоззрения, ища синтетической идеи, которая бы объединила воедино все, что ему было известно к тому времени.

¹¹ Юрвев Д. А. Освальд Шпенглер и конец истории // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 28.

¹² Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М., 2004. С. 12–13.

Нужно отметить один занимательный факт. Н. С. Трубецкий был вундеркиндом, он очень рано начал свои научные занятия, в возрасте 15–16 лет занимался изучением языков и фольклора финно-угорских народов и писал на эти темы статьи в научные журналы (общеизвестно, что его приняли за маститого ученого и, желая беседовать на научные темы, нашли мальчика-гимназиста, чем один из профессоров даже оскорбился). Малоизвестно, что и Савицкий был в детстве вундеркиндом и также рано начал научно-исследовательскую деятельность. В возрасте около 8 лет он перечитал на русском и английском языках сочинения известного буддолога Ф. И. Щербатского: «Я и сам им увлекался. В библиотеке моего покойного дяди по матери, городского головы г. Чернигова — Георгия Андреевича Ходота была полная подборка работ молодых и раннесредних лет Ф<едо>ра Ип<политови>ча — и я „глотал“ их чуть ли не с возраста семи лет, а позже и вполне сознательно»¹³. В детстве Савицкий увлекался археологией, историей русской и украинской архитектуры, русской историей и, в частности, историей Аляски: «<...> историей русской Аляски я занимаюсь с детских лет (с первых годов XX в.). Не скрою, что еще семи-восьмилетним мальчиком, в 1902–1903 гг. я проклинал Александра II за преступную ее продажу»¹⁴. Оказавшись в Софии в 1920 г., Савицкий встретился с кн. А. А. Ливеном и обсуждал с ним возможность организации евразийской группы и издания «Евразийского сборника». Ливен писал Савицкому в ноябре 1920 г.: «У Вас несомненно „Евразийские“ связи есть, и Вы неоднократно думали о возможности издательской работы в этом направлении. Сейчас отдаем в печать работу Трубецкого „Европа и человечество“»¹⁵ (курсив мой. — К. Е.).

П. П. Сувчинский до 1917 г. занимался поиском нового языка художественной выразительности и новых музыкальных форм. Он сближается с рядом музыкантов и музыкальных критиков, в частности, с будущим евразийцем Артуром Лурье, будущим постоянным автором «Верст» и «Евразии». В 1914 г. Лурье выпускает протоевразийский манифест «Мы и Запад», в котором довольно лапидарно провозглашалось: «Европу в ее творческих исканиях (достижений не было!) постиг кризис, внешне выразившийся в обращении к Востоку. НЕ ВО ВЛАСТИ ЗАПАДА ПОСТИЖЕНИЕ ВОСТОКА <...>. нового искусства в европе нет и быть не может, так как последнее строится на КОСМИЧЕСКИХ элементах. Все же искусство Запада ТЕРРИТОРИАЛЬНО. Единственная страна, не имеющая территориального искусства, есть Россия»¹⁶. Г. В. Вернадский назвал 1913 г. временем, когда он делает первые подходы к своей исторической, евразийской концепции: «Мысли, положенные в основу настоящей книги («Начертание русской истории». — К. Е.), были отчасти высказаны автором во вступительной лекции его в Санкт-Петербургском университете осенью 1913 г.»¹⁷ и т. д., то есть, внимательно присматриваясь к тому, когда произошло становление евразийства, мы приходим к выводу о том, что в период 1909–1914 гг., то есть в период до Первой мировой войны, в эпоху, названную Серебряным веком русской культуры, евразийство буквально витало в воздухе как новая идея, как предчувствие грядущих катастроф. В 1920–1922 гг. евразийство оформляется как идейная группа, выходят евразийские тексты, которые были задуманы за десять лет до их публикации.

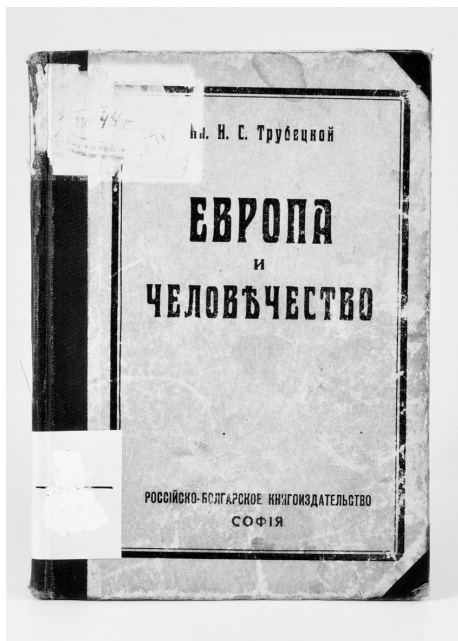
¹³ Письмо П. Н. Савицкого к А. Н. Зелинскому от 11.12.1965 г. (Архив Музея-квартиры академика Н. Д. Зелинского, Москва, не описано). Переписка П. Н. Савицкого с А. Н. Зелинским, советским евразийцем и сыном химика, академика Н. Д. Зелинского, в настоящий момент мною готовится к изданию.

¹⁴ Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию» (переписка П. Н. Савицкого с Г. П. Струве) / Публ. Ю. Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 147.

¹⁵ Письма А. А. Ливена к П. Н. Савицкому (1920–1922) и письмо П. Н. Савицкого к А. А. Ливену (1920). Публ. М. Байссвенгера // Записки Русской академической группы в США. Т. 38. 2011–2012. С. 15.

¹⁶ Вишневецкий И. «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 161.

¹⁷ Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М.: Эксмо, 2018. С. 290.

Книга «Европа и человечество»
Н. С. Трубецкого, изданная в 1920 г.

а Европа, ее *морской и прибрежный* тип цивилизации, с ее торговым, экономическим и мировоззренческим превосходством уйдет постепенно на второй план. Стоит отметить, что в то время, когда евразийцы только начинают свой путь, Шпенглер его уже закончил: «<...> в публицистике и основных трудах 1918–1933 годов собственно геополитические вопросы Шпенглер затрагивает невероятно редко. Он чаще проклинал Ноябрьскую революцию и Версальский договор и говорил о противоположности английского и прусского типа государства („Пруссачество и социализм“ и др.), чем анализировал конкретные проблемы постверсальского мироустройства. <...> почти все выступления Шпенглера на геополитические темы относятся к очень узкому периоду с 1922 по 1926 год, за очевидным исключением поздней итоговой книги „Годы решений“ (1933)»¹⁸. Евразийцы, напротив, чувствовали себя в новом, пореволюционном мире вполне уверенно, они размышляют не только над текущими вопросами, но и выстраивают долгосрочные прогнозы, работают над новой идеологией, которая бы заменила коммунистическую после падения советской власти. Они не сомневались в том, что она падет: несмотря на ее успехи, они точно отметили все ее слабые стороны, от религиозной сферы, в которой проводилась антинародная, провальная, недалновидная политика, до сферы правовой и экономической. С точки зрения евразийцев, выжить СССР мог только при сочетании частной и государственной формы промышленного хозяйства и производства, когда стратегические области (железные дороги, металлургия и т. д.) принадлежат государству, а легкая промышленность, торговля и то, что позже назовут «сфера услуг», будут сосредоточены в частных руках. Евразийцы резко выступали против искусственной национализации окраин, принудительной украинизации, полагая, что за этим последует «парад суверенитетов» и развал страны.

Евразийский сборник вызвал фурор в среде русской интеллигенции, сравнимый с реакцией на книгу Шпенглера, только отношение к евразийцам было намного более

Таким образом, концепции Шпенглера и евразийцев зарождаются примерно в одно и то же время. Первой евразийской (или — протоевразийской, здесь исследователи расходятся во мнениях) книгой стала «Европа и человечество» (1920 г.) Н. С. Трубецкого, в которой автор надеялся произвести коперниканский переворот в сознании русской интеллигенции. Если Шпенглер под своим коперниканским переворотом разумел новое направление в истории, то у Трубецкого — это новое отношение со стороны интеллигенции к России и ее роли в общемировом процессе. Коперниканский переворот относится также к новому мировоззрению, направленному против культурного, экономического, военно-политического господства Запада. Пятерка евразийских лидеров (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Г. В. Флоровский, А. А. Ливен) выпускает сборник «Исход к Востоку», в котором провозглашается, по сути, конец мирового цивилизационного господства Европы. Наступила эпоха *континентальных* держав, в которой Россия, США и Китай будут играть ведущую роль,

¹⁸ Медоваров М. В. Геополитические воззрения Освальда Шпенглера. С. 91–92.

жестким и категоричным. Шпенглер был автором «издалека», окруженным аурой «заграничного» интеллектуала, он писал о Европе, которая волновала, конечно, русских, но не так сильно, как свое, родное. Тем более что подавляющая часть русской интеллигенции, оказавшаяся за границей, в той или иной степени участвовала в революции в России: многие эмигранты были марксистами, распространяли в юности революционную литературу, издавали, как П. Б. Струве, оппозиционные журналы за границей, участвовали в студенческих сходках и т. д. Это относится даже к таким известным религиозным философам, как С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, о. С. Булгаков (эти трое были в свое время в ссылке за революционную деятельность), не говоря уже о прямых творцах заговора и февральской революции — П. Н. Милокове и А. А. Кизеветтере, самых непримиримых критиках движения. Евразийцы были представителями нового поколения, политически не ангажированного¹⁹, увлеченного творчеством, наукой, музыкой, религиозной философией. Но именно их «старшее» поколение обвинило... в оправдании революции и большевиков. Этот странный парадокс скрывал, может быть, нежелание бывших революционеров признаться, хотя бы самим себе, в том, что именно они, а не евразийцы, способствовали падению монархии и утверждению власти большевиков.

После революции Россия была на распутье — старое имперское, монархическое и либеральное мировоззрение потерпели крах, но русские интеллектуалы оказались к этому не готовы. Мыслители-эмигранты отнеслись к Шпенглеру скорее с симпатией, а вот евразийцы, наоборот, собрали в свой адрес все возможные упреки и обвинения. Помимо тех, что были предъявлены ранее и Шпенглеру — антинаучность, безрелигиозность, поверхностность, «соблазн» (статья Г. Флоровского, порвавшего с евразийством в 1928 г., «Евразийский соблазн»), евразийцев также упрекали в предательстве и альянсе с большевиками, географическом детерминизме и возрождении народничества, которое есть «сифилис русской мысли» (П. Б. Струве). Последнее обвинение, кстати, совершенно беспочвенно; у евразийцев можно, при желании, обнаружить географический детерминизм и странные, с ортодоксальной точки зрения, идеи о православию и иноверии, но никаких параллелей с народниками у них не было, да и быть не могло. Постреволюционная эпоха вообще диктовала новую повестку, быть народником в 1922 г. было также сложно, как быть в это же время, к примеру, приверженцем ереси жидовствующих, процветавшей в Новгороде в конце XV в., особенно учитывая то, что «народ» остался в России, а в эмиграции оказались почти исключительно представители высших сословий. Это обвинение Струве показывает неадекватность восприятия старой, дореволюционной интеллигенции, прошедшей путь от марксизма к идеализму, новых пореволюционных течений мысли. Евразийство их скорее пугало, чем привлекало, вызывало именно эмоциональную реакцию, а не рациональный отклик. Ту же реакцию зачастую вызывал и Шпенглер, поскольку основным методом он избрал не научную индукцию или дедукцию, но именно художественный интуитивизм, связанный с крайне индивидуальным, может быть пристрастным, далеким от «объективности», восприятием. Система Шпенглера — не история, но чистая историософия, опора на исторические факты и исторические источники у него довольно слабая, дефиниции зачастую провальны. Чего стоит хотя бы так называемый «арабский» тип культуры, в который он втискивает заодно и Византийскую империю, когда от ее зарождения до появления на исторической сцене арабов оставалось еще несколько веков. Применение термина «магическая» по отношению к христианской цивилизации и вовсе неуместно. Библейское мировоззрение однозначно осуждает магию, оккультизм и другие языческие практики. Предварительно можно отметить,

¹⁹ Когда евразийцы решили обратиться к политике, это вылилось в ряд крайне наивных шагов. Их контакты с провокаторами из «Треста» (созданная советским ГПУ якобы промонархическая организация), несколько политических документов и статей выдают полное невежество в этой новой для них сфере. К политике евразийство было обращено в период с конца 1926 по 1928 гг., после Кламарского раскола П. Н. Савицкий провозгласил отход от политической повестки.

что книга Шпенглера — это скорее роман на основе исторического материала, и в этом смысле он является, действительно, создателем уникального литературного жанра.

Многие идеи, высказанные Шпенглером в своей работе, имеют прямое сходство с идеями евразийцев. Во-первых, это тема ландшафта, географической среды, в которой происходит становление того или иного народа. Ландшафт формирует прасимвол, а затем, через него — душу народа: «Все решает выбор прасимвола в тот момент, когда душа культуры пробуждается в своем ландшафте к самосознанию»²⁰. В 1926–1927 гг. П. Н. Савицкий сформулировал и предложил рабочий евразийский термин — «месторазвитие», который имеет яркие параллели с «ландшафтом» Шпенглера. Тем не менее, никаких туманных религиозно-поэтических образов вроде «души народа», «выбирающей» свой «прасимвол» у Савицкого нет. Термин «месторазвитие» имеет конкретные экономические и геополитические коннотации, а именно: месторазвитие влияет на становление вида производящей экономической модели, формирует хозяйственные, а потом и сословные типы отношений. Таким образом, месторазвитие определяет социально-экономические связи, характерные для того или иного общества. Постепенно под влиянием месторазвития меняется и характер народа. Савицкий задается вопросом о том, выбирает ли народ свое месторазвитие или оказывается в нем случайно и уже сам становится объектом влияния со стороны его географических, климатических и прочих факторов. Савицкий приходит к выводу, что верны оба положения: не только народ «выбирает» месторазвитие, которое отвечает его склонностям, но и преобразует его, видоизменяя под свои нужды. Образуется сложный симбиоз или синергия, творческое взаимодействие между народом и его ареалом обитания.

Тема ландшафта, который не имеет непосредственной связи с народом, но «взаимодействует» с ним через «прасимвол», диктовалось, в том числе, и идеологией немецкого империализма, процветавшей накануне Первой мировой войны. Немецкое месторазвитие было тесно и узко для Германии. Стремясь к приобретению колоний, политики нервничали по поводу несоответствия возможностей страны и роста народонаселения: «В начале 80-х годов было потеряно равновесие между земледелием и промышленностью. Своего хлеба стало не хватать <...>. В 1910 году в Германии было 65 мил. населения; а территория страны могла прокормить только 50 мил.; ежегодная прибавка населения достигла 900 тысяч. Германия стала промышленной страной, с огромной производительной промышленной силой, но без собственного сырья и хлеба <...>. Выросши в своем экономическом развитии за пределы чисто национального бытия, Германия решила вступить в борьбу за империю»²¹. Если для Савицкого месторазвитие — это Родина народа, его лоно, пространство для бесконечного творчества, то для Шпенглера ландшафт — скорее трамплин, отталкиваясь от которого, взяв от которого некий слепок (прасимвол) и отобразив его в своей психике, народ не стремится закрепить, привязать себя к своему исконному пространству. Народ должен покорить чужие ландшафты для расширения своей витальности, умножения нации.

Следующая черта, которая делает системы Шпенглера и евразийцев схожими, — это отрицание дарвинизма и теории прогресса, хотя они отвергают теорию эволюции по разным причинам. Можно даже сказать, что причины эти противоположны: евразийцы как религиозные, православные христиане не приемлют механистическое мировоззрение, в котором нет места Помыслу Бога. Шпенглер отвергает дарвинизм как идеологию, характерную для самоуверенного фаустовского человека, которому как будто все ясно даже в самых запутанных вопросах. Дарвинизм с его теорией стадийного развития жизни слишком напоминает прогрессивную историческую схему: Древний мир — Средневековье — Новое время, против которой выступал Шпенглер. Для Шпенглера «...происхождение Земли, происхождение жизни, это

²⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 344.

²¹ Савицкий П. Н. Борьба за империю // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скимень, 2004. С. 287.

<...> тайны, с которыми нам следует свыкнуться»²². Для евразийцев тайна жизни есть тайна Творца, для Шпенглера — тайна бытия. Более того, евразийцы как раз искали новые, более совершенные способы приближения к этой тайне, в частности, они приветствовали концепцию номогенеза Л. С. Берга как достойную альтернативу теории эволюции Дарвина. В 1922 г. Н. С. Трубецкой писал П. П. Сувчинскому: «Сам я считаю новую постановку естественных наук одной из наших задач (помните, мы говорили об этом в Париже, если не ошибаюсь, при участии Ильина). Это — одна из важнейших частей более широкой задачи: создания системы наук. Кажется, мне удалось уговорить ПНС<авицкого>. Если он даже напишет вышеупомянутую статью о биологии, то пока именно напишет, а печатать не будет. Между прочим, в связи с этим, он сообщил мне о двух интересных книгах, вышедших в России: „Номогенез“ Берга (Ленинград, 1922, Госиздат) и какая-то книга по физике (не помню заглавия) Хвольсона. <...> подход их к науке религиозный. Книга Берга, посвященная основным вопросам биологии, особенно интересна, т<ак> к<ак> Берг признает себя последователем Данилевского и в своих положениях развивает много мыслей, близких к нашим (особенно моим из „Евр<опы> и Чел<овечества>“ и „Вавил<онской> баш<ни>“): эта книга, по-видимому, и навела ПНС<авицкого> на мысль написать помянутую статью. К сожалению, книги Берга достать почти невозможно. В России спохватились уже, что она не материалистическая, и изъяли ее из библиотек, а вероятно, также и из продажи. В Праге имеется только один экземпляр в университетской библиотеке. Попробуйте найти ее в Париже. Напишу также в Берлин, чтобы ее там поискали»²³. Савицкий в Праге сумел достать книгу Берга вскоре после ее выхода и оценивал ее очень высоко, ставя в один ряд с работами географов и почвоведов Г. И. Танфильева и В. В. Бартольда, оказавших на Савицкого влияние. Концепция Берга легла также в основу метафизической системы «Единства мироздания» П. Н. Савицкого²⁴. Савицкий старался достать и прочитать все книги и статьи Берга. Он ссылается на работы Берга «Климат и жизнь» (М., 1922), «Очерк истории географической науки» (М., 1929), «Открытия русских в Тихом океане» (в сборнике «Тихий Океан. Русские научные исследования», Л., 1926) и «История исследования Туркмении» (в сборнике «Туркмения», т. 1, Л., 1929). Таким образом, при формальном сходстве Шпенглера и евразийцев мы снова сталкиваемся с существенным различием *самих оснований* их мировоззренческого выбора.

Следующая важная общая деталь — отрицание понятия «человечество». Шпенглер писал: «У „человечества“ нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели у вида бабочек или орхидей. „Человечество“ — это зоологическое понятие или пустое слово. Достаточно устранить этот фантом из круга проблем исторических форм, и глазу тотчас предстанет поразительно богатство *действительных* форм»²⁵. Таким образом, сказать, что люди принадлежат к единому человечеству, — значит обозначить их принадлежность просто к классу высших приматов. Истинный смысл имеет только культура, а не зоология. Последовательным борцом с понятием «человечество» и «общечеловеческая культура» был Н. С. Трубецкой, он полагал, что человечество не представляет собой «живой личности, не имеет индивидуального бытия»²⁶, оно не есть субъект истории, поскольку биография или история есть, собственно, только у личности. Трубецкой пишет: «Если представить себе культуру, творцом и носителем которой является все человечество, то ясно, что безличность и расплывчатость в такой культуре должны быть максимальными. В этой культуре должны воплощаться лишь те психические элементы, которые общи всем людям, <...> логика у всех одна, и материальные потребности в питании, экономии труда и т. д. тоже у всех

²² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2: Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. С. 34.

²³ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Русский путь, 2008. С. 174.

²⁴ См. неоднократно публиковавшийся текст «Единство мироздания», напр., в издании: Савицкий П. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 341–343.

²⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1: Гештальт и действительность. С. 151.

²⁶ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 440.

более или менее одинаковы. Поэтому ясно, что в однородной общечеловеческой культуре логика, рационалистическая наука и материальная техника всегда будут преобладать над религией и эстетикой, что в этой культуре интенсивное научно-техническое развитие неизбежно будет связано с духовно-нравственным одичанием, <...> однородная общечеловеческая культура неизбежно становится безбожной, богоборческой»²⁷. На первый взгляд Трубецкой сражается с понятием «человечество» по схожим причинам, а именно: опираясь на теорию разнообразия культур, расцвета и упадка разных культурно-исторических типов (воспользуемся определением Данилевского), которые никогда не сливаются в единообразное невнятное «человечество». Тем не менее, Трубецкой, как христианин, не останавливается на культурологическом отрицании «человечества», напротив, он признает, что глобализация возможна, более того, она уже имела место, если судить по кратким сообщениям Священного Писания о первоначальной истории, от которой в памяти народов сохранились смутные мифы. Речь идет о цивилизации, которая объединила все народы на основе языковой общности и на стремлении к довольно странной цели — построение некоего монументального сооружения, имеющего религиозный, вернее, богоборческий характер. Это сооружение стало известно под именем «Вавилонская башня», хотя к исторической Вавилонии эта цивилизация вряд ли имела отношение. Господь Бог, увидев, что единое человечество движется к богоборчеству и безбожию, произвел мгновенную лингвистическую мутацию, так что возникло множество языков, и строители перестали понимать друг друга. Грандиозная цель, ради которой они объединились, потеряла всякий смысл. В этот доисторический момент стали действовать новые законы развития психики человека, которые Трубецкой обозначает как закон диалектического языкового дробления и закон неизбежной множественности национальных культур. Грех современной европейской цивилизации, которую Трубецкой обозначил как романо-германскую, и заключается в том, что «она стремится во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного устройства и одинаковые понятия»²⁸. Тем самым она производит «небывалое опустошение» в душах других народов, буквально съедает их личность, предлагая взамен пошлое материальное благополучие и обязательное для материалистического типа цивилизации безбожие. В этом и состоит соблазн «Европы и человечества»: романо-германская, европейская цивилизация прельщает народы некоей общечеловеческой (в действительности не существующей) культурой, подменяя ее на симулякр, суррогат — выхолощенную, а религиозную европейскую материалистическую культур-систему, которую она выдает за «общечеловеческую», чтобы воспользоваться ресурсами других, доверчивых и неискушенных наций. Она действует здесь уже не как шпенглеровский Фауст, но скорее как Мефистофель, так что, смеет предположить, если бы Трубецкой размышлял в категориях Гете, то он назвал бы европейский цивилизационный тип не фаустовским, но мефистофельским.

У Трубецкого ярко звучат антиколониальные ноты, а у Шпенглера — скорее реваншистские и империалистические. Вряд ли Шпенглер согласился бы с утверждением Трубецкого о том, что «нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие»²⁹, ведь с точки зрения Шпенглера как раз есть «высшие» — европейские народы, и «низшие», например, русский народ, лапотный, невежественный народ-кочевник, лишенный городов, который Петр I насильно втиснул в узкие рамки чуждого ему, русскому народу, европейского псевдоморфоза: «Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами,

²⁷ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // *Его же. Собр. соч.* Т. 1. М.: Перо, 2021. С. 332–333.

²⁸ Там же. С. 335.

²⁹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // *Его же. Собр. соч.* Т. 1. М.: Перо, 2021. С. 59.

но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир. Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас... Для нас русская душа — за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью остается чем-то непостижимым»³⁰. Русские имеют «примитивную душу»³¹, поэтому русские далеки как от цивилизации, так и от культуры: «В царской России не было никакой буржуазии, вообще никаких сословий в подлинном смысле слова, но лишь крестьяне и „господа“, как во Франкском государстве. „Общество“ было стоявшим особняком миром, продуктом западной литературы, чем-то чуждым и грешным. Никаких русских городов никогда и не бывало. Москва была крепостью — Кремлем, вокруг которого расстилался гигантский рынок»³². Русские «глубоко» и даже «исконно» ненавидят Запад, и вообще это «белая» раса по недоразумению, на самом деле русские принадлежат «цветной» расе.

Здесь сказано даже не высокомерие Шпенглера, как зародыш будущего нацизма, словно заноза, сидящая в горделивом самосознании-превосходстве немцев той эпохи. Скорее, так себя проявила травма немецкого народа, потрясенного итогами Первой мировой войны, а также его политическая и жизненно-практическая неопытность, которая выразила себя в нацизме³³. За то, чтобы переболеть этой болезнью, немецкий народ заплатил чудовищную цену. Политического и жизненно-практического опыта не хватало и русскому народу, но, в отличие от немецкого горделивого ощущения собственной уникальности и превосходства, он болел «комплексом Достоевского», ощущением своей второсортности, ненужности, неуместности на исторической арене, как бы истерической псевдоскромностью, в порыве которой русский народ готов был буквально принести себя в жертву — коммунизму ли, или «общечеловеческому» либерализму. Таким образом, русский и немецкий народы стали как зеркалом, отражаясь друг в друге, но с точностью до наоборот — то, что у одного было право, у другого стало лево. Недаром же в немецком народе довольно сильная составляющая часть — славянский элемент, который немцы поглотили в процессе экспансии (чего любители рассуждать об арийской генетической чистоте замечать не желали). Именно от опасности бездумного жертвоприношения себя на алтарь «общечеловеческой культуры» и предупреждал Н. С. Трубецкой и другие евразийцы.

Как и Шпенглер, евразийцы говорили о значительном туранском элементе у русских, только относили его не к генетике, а к психологии. Для Н. С. Трубецкого туранский элемент в русской культуре означал, в первую очередь, устойчивость психики, склонность к созерцанию, к простым и четким схемам, способность «становиться ордой», то есть, опираясь на формульное мышление, создавать великое государство. Шпенглер с обратным подчеркиванием подчеркивал «азиатскую» составляющую русского народа, называя его народом-кочевником, для которого бескрайняя степь есть его истинная родина.

Следует остановиться на этом важном заявлении, которое критики подвергают справедливому осуждению, — о том, что Россия якобы — страна бескрайних степей, размывающих всякое логическое, категориальное мышление и стремление к оседлости. Савицкий в работе «Географический обзор России-Евразии» писал о том, что строение географического ландшафта России флогообразно и состоит из трех частей: «И если евразийцы „окну в Европу“ противопоставляют „упор на Азию“, это не дает оснований, в чисто географическом смысле, отождествлять срединный

³⁰ Шпенглер О. Прусская идея и социализм // *Его же. Пессимизм?* М.: Крафт+, 2003. С. 247–248.

³¹ Шпенглер О. *Закат Европы*. Т. 2: Очерки морфологии мировой истории. С. 197.

³² Там же. С. 199.

³³ О неисчислимых жертвах немецкого нацизма мы сейчас не говорим, это другая тема. Заметим только, что самыми жестокими порой бывают именно дети и подростки, объединенные в сообщества. Они не знают жалости, именно потому, что глубокие душевные переживания им пока еще не ведомы. Молодая, становящаяся нация может заявить о себе с крайней жестокостью в отношении к своим «противникам».

Пейзаж с рекой. Этюд для картины «На Руси (Душа народа)».
Худ. М. В. Нестеров, 1910-е гг.

мир Евразии, имеющий средоточие в трех низменностях-равнинах (Беломорско-Кавказской, Западно-Сибирской и Туркестанской) с периферическими областями Азии»³⁴. Три низменности представляют собой единое, довольно однородное пространство, что обеспечивает географическое единство Евразии, но это не означает, что плоские равнины есть просто непрерывная степь. «Россия — особый географический мир» — так называлась монография П. Н. Савицкого, изданная в Праге в 1927 г. Савицкий предложил создать целую область знания — геософию («синтез географических и исторических начал»³⁵), чтобы описывать морфологические связи географии, климата и пространства.

Степь играет в русской истории важную роль, но мало влияет на культурный и цивилизационный фактор, поскольку в степях русские в качестве кочевников, гонящих через степи скот, не жили. Кочевая культура с ее «передвижными домами» русским была неведома. Русский тип цивилизации — речной, все селения и города основывались близ рек и, как правило, между холмов. На самом высоком холме обычно ставили храм, чтобы он господствовал над пространством. Река и храм, а не бескрайняя степь, — вот что чаще всего мог лицезреть русский человек. Устремленность ввысь храма и текучесть водной стихии, которая превращалась зимой в дорогу, скрадывавшую огромные пространства (это ли не залог будущего устремления русских в космос?), — вот важнейшие факторы русской цивилизации. И если основной признак фаустовского человека Запада состоит в стремлении преодолеть бесконечность времени и пространства, то и русские вполне вписываются в это определение, более того, все великие цивилизации — Индия, Китай, Иран и др. — стремились к расширению, покорению пространства, другое дело, что возможности древних часто были ограничены. Возможно, стремление к экспансии — общечеловеческое свойство, но именно европейцы довели его до совершенства, отбросив всякие моральные ограничения, поскольку наука и техника делали их, банально, сильнее других народов, которые не могли оказать европейским пришельцам-колонизаторам сопротивление.

³⁴ Савицкий П. Н. Географический обзор России-Евразии // *Его же. Избранное*. С. 264.

³⁵ Там же. С. 272.

Пейзаж. Худ. М. В. Нестеров, 1917 г.

Степь для русских была источником опасности, таинственным и недобрым местом. Беда, если странник в буран сбился с пути и потерялся в степи. Его единственное спасение в этом случае было — расслышать колокольный звон и идти на звук колоколов к деревне. В метель и буран крестьянских детей посылали звонить на колокольню для спасения случайных, заплутавших странников, — так, С. А. Есенин в детстве часто выполнял эту обязанность. Есенинская деревня Константиново — лучшее опровержение домыслов Шпенглера о «бескрайней степи», якобы формировавшей душу русского народа. Константиново расположено на огромной возвышенности, прямо за храмом — многокилометровый обрыв. Стоя на краю обрыва, можно созерцать Волгу и впадающие в нее реки («Только синь сосет глаза», — писал Есенин в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная»). С другой стороны — поля и холмы.

Важнейшим фактором русского ландшафта, русской истории и психологии является лес. Он — кормилец, поставщик основного строительного материала, место, куда уходят для подвигов святые подвижники, прибежище, укрытие от врагов, одним словом — как бы большой, расширенный дом для русского крестьянина, место забав и отдыха для русского аристократа. Лес с его многочисленными тропами — огромный лабиринт, ориентируясь в котором русский оттачивал навыки навигации. Одновременно, лес — прообраз Рая (у Есенина: «Я скажу: „Не надо рая, дайте родину мою“»). Евразийский историк Г. В. Вернадский построил свою историческую концепцию на идее противостояния леса (русской стихии) и степи (кочевой культуры). Дихотомия леса и степи, их сложные взаимоотношения формируют основной ритм русской истории: Россия-Евразия или объединяется, или, в моменты кризисов, вновь распадается на большие государственные «фракции»³⁶. Незнание географии в этом пункте у Шпенглера поразительное. Гораздо более правдоподобно можно было бы описать влияние на формирование русского

³⁶ См.: *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага: Евразийское Книгоиздательство, 1927. Судя по бесчисленным переизданиям этой книги, особенно в наши дни, она является едва ли не самым популярным историческимopusом современной России.

характера со стороны климата, например, долгой зимы и последующей распутицы. Еще русские историки Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский отмечали влияние климата и вообще природно-географического фактора на формирование характера русского народа. После них на эту тему было написано много литературы, это стало общим местом. Тот же Савицкий писал в рецензии на книгу Трубецкого «Европа и человечество»: «Европе не известны ни столь высокие, ни столь низкие температуры, какие являются общим правилом в климате России-Евразии. Нельзя ли констатировать в духовной жизни последней известного параллелизма этой широте амплитуд термических колебаний? Не является ли характерным для российско-евразийской культуры, не служит ли отличием российско-евразийской души некоторое сочетание такой душевной темноты и низости с такой напряженностью просветления и порыва, которое недоступно европейской душе?»³⁷ Одним словом, для русской речной цивилизации, которая осуществляла географическую экспансию именно по рекам или вдоль рек, место-развитием была не степь, но равнинная лесостепь. В географических определениях евразийцы точны, в то время как Шпенглер уходит в мифологию. На примере Шпенглера можно проследить, как образованный европейский человек предпочитает не факты, но идеологические конструкции, практически — мифологию, для того чтобы составить мнение о том или ином предмете.

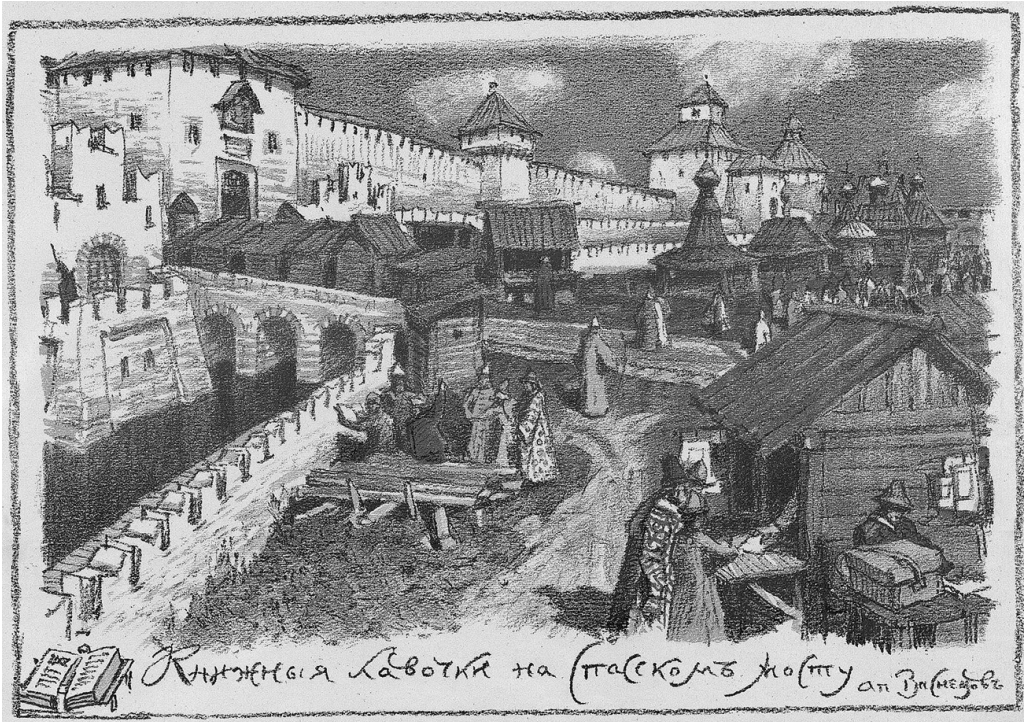
Самые близкие параллели у Шпенглера и евразийцев — в области историософии. Здесь близость идей доходит до тождества, особенно в оценке роли Петра I и последующей европеизации, которую Шпенглер называет «псевдоморфоза». Этот термин так понравился Г. В. Флоровскому, одному из пяти основоположников евразийства, что он сделал его ключевым в своей самой известной книге «Пути русского богословия», доказывая, что русская богословско-философская мысль веками находилась под воздействием протестантской и католической схоластики.

Что касается роли Петра I и значения октябрьской революции 1917 г., то евразийцы и Шпенглер здесь удивительно созвучны, сливаясь практически в унисон: «Петр и большевики; и тот, и другие любят не историческую Россию, а Россию как материал для построения здания на основе чуждого исторической России идеала; поэтому и тут, и там — соединение империализма и национального тщеславия с оскорблением национального чувства и религиозных основ русской жизни; народ оценивает Петра и большевиков одинаково; с одной стороны, — прельщается демагогией (царь-плотник и проч<ее>), с другой, — ясно чувствует и тут, и там дух антихриста; различие между П<етром> и б<ольшевиками> в том, что П<етр> задался идеалом близким и реальным — современным ему состоянием европейских стран, а б<ольшевики> задались идеалом совершенно фантастическим и неосуществимым — европейской мечтой о „лучшем“ будущем; поэтому Петру кое-что удалось, и его, как победителя, не судят, а большевикам не может удалиться, и их судят»³⁸ (Н. С. Трубецкой); «Петр Великий перестроил истинно русское царство в великую державу, входящую в систему западных государств, и таким образом нанес вред его естественному развитию. <...> Петровство и большевизм одинаково бессмысленно и роковым образом, благодаря русскому бесконечному смирению и готовности к жертвам, воплотили в реальную действительность ложно истолкованные понятия, созданные Западом... Тем не менее введенные ими порядки держатся лишь на поверхности русского бытия, и одно, как и другое, может внезапно исчезнуть и столь же внезапно вернуться. Русский дух сам по себе до сих пор проявлялся лишь в религиозных переживаниях, но не в реальных социальных и политических действиях»³⁹ (Шпенглер); «<...> две пропасти, вырытые Петром Великим, одна — между „допетровской“ Русью и „послепетровской“ Россией, другая — между народом и образованными классами,

³⁷ Савицкий П. Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. С. Н. Трубецкого «Европа и человечество») // *Его же*. Избранное. С. 109.

³⁸ Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. С. 105.

³⁹ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. С. 248–249.

Книжные лавочки на Спасском мосту в XVII в. Худ. А. М. Васнецов, 1921 г.

остаются незаполненными и зияют по настоящее время»⁴⁰ (Н. С. Трубецкой); «В действительности, существовала не одна, а две России — кажущаяся и действительная, официальная и катакомбная. Чуждый европейский элемент привносил яд, от которого болело и погубило огромное государственное тело. Это был непонятный для истинно русского мышления дух западного рационализма XVIII века и материализма XIX века, существовавший в форме русского нигилизма городской „интеллигенции“. Появился тип русского интеллигента, который, как и тип турка-реформатора, китайца-реформатора и индуса-реформатора, духовно и душевно прогнул и был опустошен до цинизма»⁴¹ (Шпенглер); «Военная служба и крепостное право существовали и в допетровской Руси, но страной милитаристической и крепостнической par excellence Россия стала только в эпоху европеизации. <...>. Большевизм показывает, чему Россия за это время научилась у Европы»⁴² (Н. С. Трубецкой).

Подобных параллельных цитат мы можем увидеть в текстах Шпенглера и Трубецкого много, хотя с таким ограниченным взглядом на роль Петра I и на европеизацию вообще не могли бы до конца согласиться ни Г. В. Вернадский (он ставил Петра Великого довольно высоко и считал его разносторонним и талантливым политиком), ни П. Н. Савицкий, который, соглашаясь с явными параллелями Петра с большевиками, считал послепетровскую культуру имперской, значимой и великой, не сводимой к трактовке простого «приготовления» к воцарению большевиков. Но со многими другими замечаниями, прогнозами о судьбе России под большевиками, о том,

⁴⁰ Трубецкой Н. С. Низы и верхи русской культуры (Этническая основа русской культуры) // *Его же. История. Культура. Язык.* С. 134.

⁴¹ Цит. по: Даренский В. Ю. О. Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историософским прозрениям // *Тетради по консерватизму.* 2020. № 4. С. 172.

⁴² Трубецкой Н. С. О туранском элементе в Русской культуре // *Его же. История. Культура. Язык.* С. 161.

что большевизм есть концентрация европеизации, были согласны все евразийцы, единодушные в этом со Шпенглером.

Не могли согласиться они только с категоричными рассуждениями о русском народе, о том, что якобы «примитивный московский царизм — это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы <...>. Народу, чье предназначение — еще поколениями жить вне истории, была навязана искусственная и неподлинная история, дух которой прарусскость просто никак не может постигнуть»⁴³. Напротив, для евразийцев русский народ имел богатейшую допетровскую культуру, которая была даже в некотором роде идеалом: «Если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романо-германской „ориентации“, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилизации»⁴⁴.

Различия диктовались указанным выше обстоятельством: Шпенглер мало понимал Россию, его знания в основном были основаны на чтении узкого круга источников, по большей части — литературных. В некотором роде он сочинил определенный шпенглеровский миф о России, в котором причудливо сплетались фантазии и довольно точные прозрения. Евразийский миф⁴⁵ о России больше соответствовал действительности, кроме того, евразийцы стремились обосновать свою позицию ссылками на исторические источники, факты, да и просто основываясь на опыте жизни в Российской империи.

До настоящего момента мы говорили как о сходствах, так и об отличиях в подходе Шпенглера и евразийцев. Необходимо понять самую суть, сердцевину отличий, которая диктует особенности той и другой системы взглядов. Изложение предыдущего материала должно было подвести благосклонного читателя к выводу, который мы изложим и обоснуем ниже.

Шпенглер, описывая ту или иную культуру, пользуется терминами «душа» и «прасимвол». Точного определения того и другого понятия нет, прасимвол — некая структура, формирующаяся под влиянием ландшафта; как бы импринт, который имеет символическое выражение в виде знаков или символов культуры. Можно сказать, что прасимвол есть зародыш культуры, в котором уже даны все ее характеристики, но требуется историческое время, чтобы он вырос и явил себя миру в «теле» культуры. В момент окостенения культуры и превращения ее в цивилизацию, в механизированную, нетворческую, неодушевленную версию культуры, происходит развоплощение народа. Он теряет прасимвол, поскольку тот формировался в природном пространстве, а стадия цивилизации предполагает уход от природы, жизнь в городах, в искусственном пространстве. Здесь, кстати, сказывается противоречие в построениях Шпенглера: он с гордостью говорит о промышленной индустриализации и урбанизации Германии, противопоставляя немцев — русским, у которых «нет городов», которые якобы являются кочевниками, и даже деревня не есть для русского человека родной дом, он якобы стремится в бескрайнюю степь, примерно как в известной пословице «сколько волка не корми, он все в лес смотрит» (в данном случае — «в степь»)⁴⁶. Поэтому русские для Шпенглера «еще не народ»,

⁴³ Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. М.: Альфа-книга, 2014. С. 198.

⁴⁴ Трубецкой Н. С. Верх и низы русской культуры. С. 133.

⁴⁵ В данном случае слово «миф» надо понимать в смысле, который ему придали А. Ф. Лосев (см.: Лосев А. Ф. «Диалектика мифа», любое издание, начиная с 1930 г.) и Р. Р. Вахитов (см.: Вахитов Р. Р. Евразийство. Логос. Эйдос. Символ. Миф. СПб.: Владимир Даль, 2023).

⁴⁶ Не зная русской действительности, Шпенглер не смог убедительно описать тип русской цивилизации. Это — уникальное сочетание урбанизации и природного, деревенского уклада. Русский помещик жил в зимнее время, искал невест и связей в городе, но с наступлением летнего сезона уезжал в свое поместье, по меркам европейцев — бескрайнее, в котором были

а только его потенция, из которой в будущем должно родиться несколько других народов (здесь он оказался прав, и, к удивлению многих, в начале XXI в. появились белорусы и украинцы). Если следовать логике Шпенглера, то немецкий народ оказывается в невыгодной позиции, а о немецкой урбанизации и отрыве от природы нужно говорить с большой тревогой. У Шпенглера тревога о фаустовском человеке присутствует, но немцы для него «новый» народ, они приходят на смену другим, дряхлым народам Европы. Таким образом, на пространстве Европы и Евразии два «новых» народа. Следующим шагом в рассуждении Шпенглера должно было стать размышление о неизбежности их столкновения...

В этих утверждениях сказалась опять-таки историческая неопытность интеллектуалов XIX — начала XX вв. Казалось, что развитие народа должно идти в соответствии с законами природы, наподобие того, как действуют законы Ньютона. Динамичный XX в. опроверг многие домыслы. Жизнь народа может внезапно ускориться, мощь народа может быть внезапно сокрушена, слабый, то есть не имеющий никаких ресурсов, но умный народ, может нанести молниеносный, хорошо продуманный удар и даже перепрограммировать душевную структуру другой нации, сыграв на ее слабостях, направив ее в иное историческое русло и т. д. Народ-кочевник, «примитивный» народ — мгновенно, по историческим меркам, становится цивилизованным народом, претендентом на гегемонию в своем регионе и даже претендует на большее, а народ-гегемон, наоборот, «мгновенно» утрачивает свои позиции и оказывается в провале... Таким образом, никакой гарантии у «великих» народов нет, как нет и никакого предопределения для народов «диких». Значит, есть некий фактор «X», который не учел Шпенглер, и его объяснения нужно искать у евразийцев. Душа народа, прасимвол его — не объясняют нам ни исторической динамики, ни судеб отдельных народов.

Н. С. Трубецкой пишет: «Одним из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения (м<ожет> б<ыть>, даже самым важным), является понятие личности. На этом понятии строится и философская, и историософская, и социологическая, и политическая стороны евразийства. При этом евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с частночеловеческой, но и многочеловеческой, „симфонической“ личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ»⁴⁷. Евразийцы придерживались христианского персонализма, Шпенглер — пантеизма, характерного для немецкой романтической школы. Рабочим термином для описания народов у Шпенглера была «душа», у евразийцев — «личность». Различие лежало именно в сфере религиозной философии. Шпенглер, как верно подчеркнули авторы первого русского сборника отзвука, вышедшего в Москве в 1922 г., а религиозен: «Во всем этом — в игнорировании христианства, в неясном отношении к иудейскому универсализму (в связи с туманностью магической культуры), а также в идеализации самобытных глубин России, понимаемой славянофильски, заключаются те слабые места его великолепной символики отдельных культур»⁴⁸; «Он просмотрел роль христианства в судьбе европейской культуры. Это — самая поражающая сторона его книги. В этом ее духовное уродство,

и поля, и леса, и озера. Русский крестьянин тоже зачастую в зимний период отправлялся в города на заработки (например, официантами, «половыми» работали, как правило, ярославские крестьяне, были свои специализации рабочих и городских специальностей у крестьян других областей). Русские городские ярмарки, продолжающиеся в течение долгого времени, были встречей города и деревни. Русский человек жил в двойном пространстве: города и деревни (сейчас — квартира и дача), формируясь как динамичная и, одновременно, лиричная, природная, несколько хаотичная (бунтарская), но талантливая личность. Образ Татьяны в «Евгении Онегине» Пушкина великолепно показывает этот тип — она любила закаты и рассветы, русскую зиму, природные явления, формируясь как страстная, поэтическая личность, но в городе смогла превратиться в «законодательницу мод», блестящую светскую даму.

⁴⁷ Трубецкой Н. С. К проблеме русского самосознания // *Его же*. История. Культура. Язык. С. 105.

⁴⁸ Букшпан Я. Непреодоленный рационализм // Освальд Шпенглер и закат Европы. С. 90.

почти что чудовищность ее. Не нужно быть христианином, чтобы понять значение христианства в истории европейской культуры. Пафос объективности должен к этому принуждать. Но Шпенглер не чувствует себя принужденным к такой объективности. Он не созерцает христианства в истории, не видит религиозного смысла. Он знает, что культура религиозна по своей природе и этим отличается от цивилизации, которая безрелигиозна. Но религиозного смысла в культуре он не постигает»⁴⁹. Заметим также, что слово «душа» у Шпенглера не имеет христианских коннотаций, романтически одушевленными могут быть природные явления, деревья, небо и т.д. С точки зрения Библии даже животные имеют душу, хотя считается, что она не причастна Вечности, но есть явление природного мира, как бы конденсированная энергия всех психических процессов. О христианской душе можно говорить только в сочетании с понятием «образ Божий», предполагающий свободу воли, способность к выбору между добром и злом. Этого в построениях Шпенглера мы не находим.

Евразийцев иногда упрекали в «географическом детерминизме», хотя, если разбираться в их системе взглядов честно и беспристрастно, то спутать христианский персонализм ни с чем невозможно, он не может сочетаться с детерминизмом любого толка. С этой точки зрения Шпенглер настоящий «географический детерминист». Исходя из органического понимания «души» народа, которая формируется не как личное начало, но практически как природное явление, как слепок с ландшафта, следует признать, что многие тонкие и блестящие выводы и рассуждения Шпенглера все же крайне недостаточны. Понятие «личность» для евразийцев — ключ к постижению судеб народа, поскольку только в этом случае в историческую ткань вводятся понятия свободы и Промысла. Личность обладает волей, которая может склониться к добру или ко злу, личность может, под влиянием жизненных или исторических потрясений, изменить свои характеристики, получить душевную травму, исходя из которой будет совершать те или иные поступки. Личность может заболеть психопатическим или нарциссическим расстройством, утратить способность к сочувствию, эмпатии и любви. Личность может впасть в апатию, потерять волю к жизни, может возродиться через покаяние или, наоборот, пасть во глубины сатанинские, даже стать бесноватой, впустив в себя чуждые энергии и волевые импульсы. Одним словом, «личность» — понятие динамичное, «душа» — статичное. У евразийцев была разработана иерархия личностей, этим занимались Л. П. Карсавин и Н. С. Трубецкой. Человек есть «частночеловеческая личность»; существует также симфоническая или хоровая личность, ее примером могут служить театральные или политические союзы, к которым присоединяются на основе общего мировоззрения, а их волевые и эмоциональные интенции многократно усиливаются, будучи умноженными на количество составляющих эту группу людей. Целый народ может составить симфоническую личность со своими психическими особенностями и нормами поведения. Именно поэтому народы управляемы, можно прельстить целый народ, выделив в нем волевое ядро и направив в нужное манипулятору русло. Существует также многонародная личность, когда несколько народов образуют государственную общность, — например, в России многие народы образуют одно государство. Многонародная личность развивается во времени и познает себя: «Если только рассматривать народ как психофизическое целое, как известную коллективную личность, надо признать для него возможной и обязательной некоторую форму самопознания»⁵⁰. В процессе самопознания народа происходит становление его культуры. Народы, составляющие многонародную личность, могут быть совершенно разными по темпераменту, религиозно-конфессиональной принадлежности и психическим особенностям, но, движимые «комплиментарностью», связанные «единством исторической судьбы» (евразийские термины), они способны образовать довольно устойчивую структуру, расшатать которую можно только внешне, путем насаждения местечкового национализма.

⁴⁹ Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. С. 60.

⁵⁰ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // *Его же*. История. Культура. Язык. С. 117.

В последнем евразийцы видели источник опасности для всей России-Евразии; они говорили о необходимости общеевразийского национализма, когда все народы России ощущали бы себя частями единой судьбы именного этого пространства, чувствовали бы себя частью как отдельно-национальной, так и общерусской истории.

С этой точки зрения намного более понятны взлеты и падения народов-личностей, историческая картина, которая развернулась в XX и в начале XXI вв. Прогностическая ценность системы Шпенглера, с моей точки зрения, все же невелика, хотя работ, восхваляющих его прозорливость, довольно много, и здесь многие могут со мной не согласиться. Тем не менее, я стою на позициях христианского персонализма, и пантеистические построения времен расцвета немецкого романтизма и гетевского интуитивизма меня не впечатляют. Душа и личность — вот крайние, исходные, глубинные понятия, лежащие в основе построений Шпенглера и евразийцев, они показывают всю бездну различия между ними. Шпенглер — арелигиозный пантеист и интуитивист, евразийцы — христианские персоналисты. Поверхностные сходства системы Шпенглера и евразийцев с этой точки зрения не имеют большого значения, при разборе похожих положений всегда можно столкнуться с тем, что выводы из этих положений они делают разные. Может быть, поэтому Шпенглером евразийцы так и не заинтересовались, хотя это кажется довольно странным, ведь о нем они должны были узнать от П. М. Бицилли и от Г. В. Флоровского, кроме того, евразийцам приходилось общаться и с Н. А. Бердяевым, который мог также упоминать Шпенглера.

Савицкий, по-видимому, ознакомился с немецкой книгой Шпенглера, но она не заинтересовала его, более того, он называет его концепцию «бездушной» и даже «поверхностной»: «Сколь ни бездушны и сколь ни поверхностны построения Шпенглера, в „синхронистических“ таблицах „Untergang des Abendlandes“ заключается доля дознанной истины⁵¹. Есть нечто убеждающее в сопоставлении в качестве исходных моментов исторических циклов религиозного творчества греческой „эпохи веры“ гомеровских поэм, духовного напряжения первохристианства, <...> есть нечто подлинное в сближении поздней материалистически-этической философии стоицизма с фатализмом позднего Ислама и с современным „этическим социализмом“...»⁵² Савицкий пишет о том, что концепции Шпенглера и евразийцев появились хотя почти одновременно, но совершенно самостоятельно и автономно: «Независимо от воззрений, высказанных в Германии (Шпенглер), и приблизительно одновременно с появлением этих последних евразийцами был выставлен тезис отрицания „абсолютности“ новейшей „европейской“ (т.е., по обычной терминологии, западноевропейской) культуры, ее качества быть „завершением“ всего доселе протекавшего процесса культурной эволюции мира <...>. Этому утверждению евразийцы противопоставили признание *относительности* многих, и в особенности идеологических и нравственных, достижений и установок „европейского“ сознания. Евразийцы отметили, что европеец сплошь и рядом называет „диким“ и „отсталым“ не то, что по каким-либо объективным признакам может быть признано стоящим ниже его собственных достижений, но то, что просто не похоже на собственную его, „европейца“, манеру видеть и действовать»⁵³. Итак, Савицкий признает, что общее у Шпенглера и у евразийцев — признание релятивизма в истории мировых цивилизаций, признание если не равноправности, то объективного существования многих культурных миров, среди которых европейская — одна в ряду, а не вершина, к которой шло человечество долгие века. Что не могло понравиться Савицкому у Шпенглера — это его европейское надмение, которое проявилось в незнании русского мира (похоже, Шпенглер не знал даже

⁵¹ Нужно заметить, что Савицкий тоже очень любил таблицы и графики, сам составил синхронистические таблицы исторических «взлетов» и «падений» («прогибов») русской истории в статье «Ритмы монгольского века» (1937), поэтому концепция Шпенглера могла ему в этой части импонировать.

⁵² Савицкий П. Н. Два мира // Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3: сборник. СПб.: Лимбус Пресс, 2021. С. 180.

⁵³ Савицкий П. Н. Евразийство // *Его же*. Избранное. С. 193.

Пушкина, который фокусирует русскую культуру), а также уже упомянутое «бездушие», то есть внеперсональность, внерелигиозность его построений.

В Шпенглере поражает парадоксальное сочетание точных, тонких, нетривиальных идей и наблюдений — плода его развитой исторической интуиции, и, с другой стороны, множества предрассудков, многочисленных фактических ошибок, искажения фактов. Шпенглер — великий дилетант и потрясающий, удивительной значительности историк-фантазер. Именно поэтому о нем судить так сложно: его прозорливые замечания и сбывшиеся исторические прогнозы привлекают исследователей, его дилетантизм и русофобия удивляют и отталкивают одновременно. Главное, что он просмотрел — нарождающийся нацизм, вырастающий на его глазах из уязвленного немецкого национального самолюбия и жажды реванша. Он нашел хлесткие и уничижительные определения для русских и много похвал для немцев, которые потерпят менее чем через два десятилетия сокрушительное поражение от «дремучего» русского народа, якобы «лишенного воли» и не способного к подлинному творчеству и науке. Россия прельстила гениального немца своими молчаливыми загадочными просторами, которые сохраняли русский народ в «спящем» (как казалось внешнему наблюдателю) состоянии до времени, а именно: до времени расцвета науки и техники, с помощью которых только и можно было быстро преобразить, окультурить это пространство, построить новые города, организовать производства, изменить уклад жизни. Европа с ее пространствами, изрезанными горами и реками, могла быть цивилизацией даже в условиях до расцвета науки и техники. Народы больших пространств, как бы дремлющие в ожидании своего исторического часа, — русские, арабы, китайцы, оказались крайне цивилизационно мобильны именно потому, что их пространства «ожидали» научного развития и прогресса. Напротив, страны Запада в этих условиях утратили конкурентоспособность, которую раньше поддерживали с помощью намого более совершенного, чем у других народов, оружия и опыта управления слабыми государствами, накопленного веками. В XXI в., похоже, наступает час и для «забытого континента» — Африки, и еще не ясны контуры нового, нарождающегося цивилизационного порядка, в котором этот континент и населяющие его народы могут сказать свое слово. Подтверждается тезис Н. С. Трубецкого: «нет высших и низших», есть только подходящие исторические условия, когда пробуждается и выходит на историческую сцену тот или иной народ. Таким образом, суждения о России и русской «душе» Шпенглера во многом и даже почти во всем оказались неверными, поскольку о России невозможно было судить из перспективы XIX в., когда русская культура только начинала расцветать, но плоды ее по-настоящему ярко и очевидно для всех явились в XX в., во всяком случае, тогда они были осмысленны и усвоены. Пожалуй, только евразийцы смогли увидеть наступление «русской эпохи» в XX в., потому что были движимы любовью, которая по сути всегда прозорлива, способна усматривать идею и потенцию предмета своего любовного любования. Поэтому сетования П. Я. Чаадаева, высокомерное отношение к России со стороны западников, византизм (а не русизм!) К. Н. Леонтьева, робкие надежды Н. Я. Данилевского и пренебрежительное отношение к России О. Шпенглера основаны на этом, указанном выше, обстоятельстве: ни в XIX, ни к началу XX в. еще не был осмыслен опыт русской культуры, ее плоды и ее достижения. Первыми, кто ярко и утвердительно говорил о России как о великой державе, передовой, культурно и всемирно значимой, о величии и значении русского языка, о том, что «история толкается именно в наши ворота»⁵⁴, — были евразийцы, за что и подверглись обструкции со стороны... тех самых деятелей русского религиозного возрождения, подобных Бердяеву и Булгакову, которые и составили позже его славу.

Мало сотворить великое культурное дело, важно также и *запатентовать* его, предъявить «городу и миру», осмыслить, то есть включить в ряд общемировых

⁵⁴ Савицкий П. Н. Предисловие к сборнику «Исход к Востоку» // Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3: сборник. С. 30.

достижений. И здесь дихотомия и противопоставление единого и многого, локальной культуры и общечеловеческой цивилизации, характерные для Н. С. Трубецкого и Шпенглера и гораздо менее характерные для П. Н. Савицкого, П. П. Сувчинского и многих других евразийцев, оказываются недействительными. Локальная культура борется за право признания в лиге культуры общемировой, которая есть не реальность, но некое общеконвенциональное условие диалога всех народов. Единая общечеловеческая культура в этом качестве стала возможна благодаря передовым технологиям XX в. И Шпенглер, и евразийцы были не правы в утверждениях о том, что культура не подлежит обновлению и что с отмиранием одной культуры на ее место приходит другая. У Трубецкого одна культура не может усваивать «духовное ядро» другой, она отравляется им в процессе усвоения, гибнет, распадается на европеизированные верхи и автохтонные низы, что постепенно ведет к революции и деградации. Опыт глобализации, пережитый человечеством в конце XX — начале XXI вв., наглядно показывает, что европеизация способна разбудить внутреннее «ядро» почти любой исторической нации и она, опираясь на свои внутренние ресурсы и традиции, может даже обогнать в технологиях и социальных институтах западноевропейскую культуру. Конечно, автохтонность, оригинальность при этом во многом утрачиваются, появляются люди, всецело преданные своей новой, западноевропейской «духовной» родине, происходит обострение противоречий между сторонниками «своего» пути и европеизированным меньшинством. Но, возможно, это — болезни роста, и постепенно культуры выработают противоядие, найдут баланс, ведь этот опыт — новый для человечества. С глобальной унификацией таких масштабов оно еще не сталкивалось. Европейская культура вообще — не столько вершина человеческого прогресса, сколько концентрат усилий всего человечества (если бы не ограбление колоний со стороны Запада, вряд ли Европа смогла подняться на цивилизационную высоту). Европа стала *ферментом*, который входит в тело другой культуры и активизирует ее собственные живые и индивидуальные силы. В *этом* смысле ее культура универсальна, но у европейской цивилизации всегда будет соблазн остановить развитие других народов, чтобы навсегда подчинить их и пользоваться их ресурсом, застолбить свое место № 1 на пьедестале человеческой истории. Но процесс пробуждения и становления малых, «неисторических», народов не остановить.

Концепция Шпенглера во многом является порождением довоенной, довоенной Германии, как и евразийство есть плод пореволюционной России. Поскольку эпоха до Первой мировой войны и послевоенная картина мира, несмотря на то что их разделяет всего десятилетие, — это совсем разные реальности, то и при видимом сходстве идей Шпенглера и евразийцев их концепции все-таки слишком разные. Евразийцам, за исключением Флоровского, Шпенглер, по сути, был неинтересен, он не звучал и не тревожил, как принадлежащий еще дореволюционному и довоенному времени. Истинное значение Шпенглера открывается, вероятно, только сейчас, в кризисное время разрушения всех основ, когда человечество мучительно ищет новые формы существования в постоднополярном мире.

Основное различие между Шпенглером и евразийцами лежит в сфере философских оснований. Евразийцы — последовательные персоналисты, концепцию личности, ее иерархию (многочеловеческая, многонародная, частночеловеческая личность) и ее лики (социальные роли, псевдоличности, защитные механизмы) они положили в основу своего учения. Душа скорее абстрактна, личность — конкретна, обладает волей, интенцией, структурными психическими признаками. Как уже было сказано, интерес к Шпенглеру высок именно в последнее время, а евразийство привлекает внимание как источник новой альтернативной идеологии и картины будущего для России уже несколько десятилетий. Это убеждает нас в том, что переживаемая нами эпоха имеет много параллелей с довоенной и межвоенной картиной мира XX в., имеет много аналогий с опасностями и вызовами того времени. Остается надеяться, что трагический опыт XX в. позволит народам не совершать аналогичные ошибки и найти свой путь, избежав очередной мировой войны.

Источники и литература

1. Архив Музея-квартиры академика Н. Д. Зелинского, Москва (не описано).
2. *Бердяев Н. А., Букипан Я. М., Степун Ф. А., Франк С. Л.* Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берег, 1922. 95 с.
3. *Бицилли П.* Гибель Запада // Русская мысль. Кн. 8–9. София, 1921. С. 308–311
4. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. М.: Эксмо, 2018. 233 с.
5. *Вишневецкий И.* Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 511 с.
6. *Даренский В. Ю. О.* Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историософским прозрениям // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 167–190.
7. Евразийство: Исход к Востоку. Кн. 1; На путях. Кн. 2; Евразийский временник. Кн. 3: сборник. СПб.: Лимбус Пресс, 2021. 704 с.
8. *Медоваров М. В.* Геополитические воззрения Освальда Шпенглера // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 91–98.
9. *Оболевич Т.* Семен Франк, Лев Карсавин и евразийцы. М.: Модест Колеров, 2020. 235 с.
10. Письма А. А. Ливена к П. Н. Савицкому (1920–1922) и письмо П. Н. Савицкого к А. А. Ливену (1920) / Публ. М. Байсвенгера // Записки Русской академической группы в США. Т. 37. 2011–2012. С. 14–31.
11. Письма и заметки Н. С. Трубецкого / Подгот. к изд. Р. Якобсона и др.; пер. предисл., примеч. и указ. В. А. Плунгяна и др.; вступ. ст. В. Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004. XV, 507 с.
12. *Савицкий П. Н.* Борьба за империю // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М.: Скименъ, 2004. 351 с.
13. Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию» (переписка П. Н. Савицкого с Г. П. Струве) / Публ. Ю. Б. Мелих // Россия XXI. № 2. 2010. С. 124–159.
14. *Савицкий П. Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 775 с.
15. *Трубецкой Н. С.* Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928. М.: Русский путь, 2008. 384 с.
16. *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 798 с.
17. *Трубецкой Н. С.* Собр. соч. Т. 1. М.: Перо, 2021. 667 с.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. 663 с.
19. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2: Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. 606 с.
20. *Шпенглер О.* Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. М.: Альфа-книга, 2014. 1085 с.
21. *Шпенглер О.* Прусская идея и социализм // Шпенглер О. Пессимизм? М.: Крафт+, 2003. 297 с.
22. *Юрьев Д. А.* Освальд Шпенглер и конец истории // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 13–90.